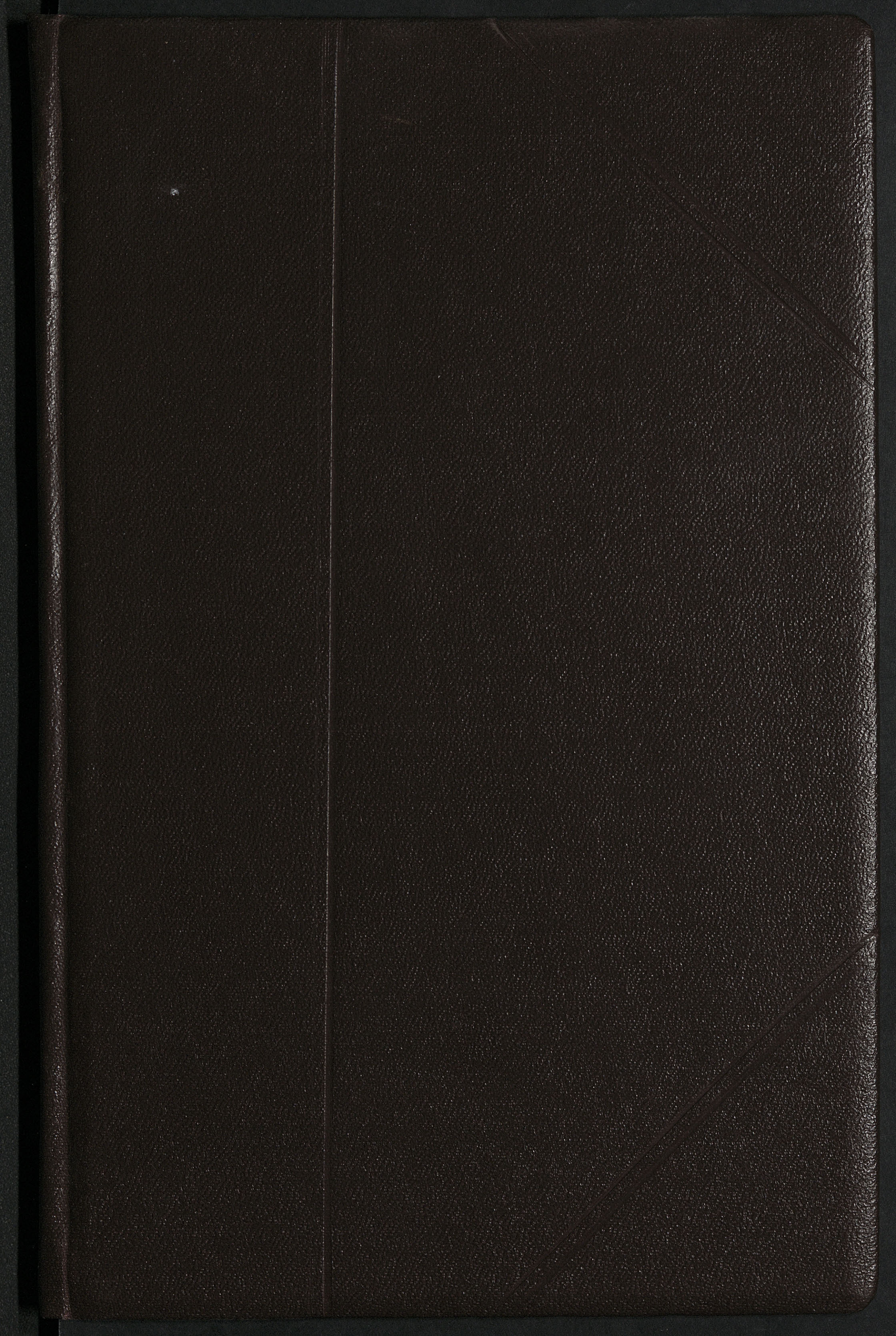
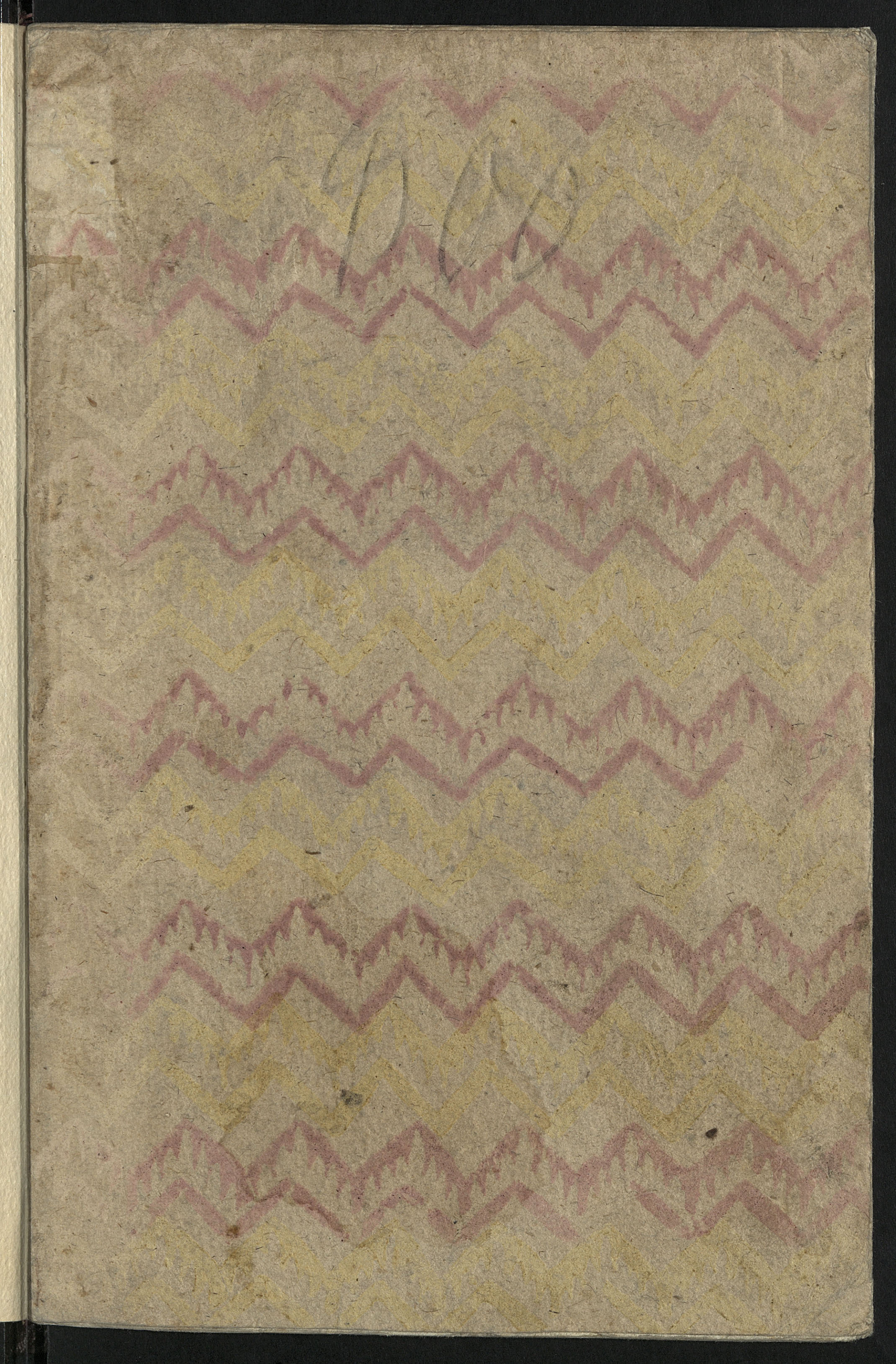

РАЗГОВОРЪ
СОКРАТА
СЪ
ТИМОКЛЕЕЮ
О
МНИМОЙ И ИСТИННОЙ КРАСОТѢ
СЪ

краткимъ начертаніемъ жизни сего великаго нравоучителя.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

МОСКВА,
Въ Типографіи И. Зеленникова.
1795.

ПЕЧАТАНО
съ Указнаго дозволенія.

Ея Сіятельству

Графинѣ

Аннѣ Алексѣевнѣ

Орловой--Чесменской.

СІЯТЕЛЬНѢЙШАЯ ГРАФИНЯ,

Милостивая Государыня!

Живѣйшія чувствованія благодарности и высокопочитанія къ особѣ Вашего Высокографскаго Сіятельства возбудили во мнѣ смѣлость посвятить имени Вашему сей опытъ упражненій моихъ въ Нѣмецкомъ языкѣ. Въ опытѣ семъ увидите Вы, Сіятельнѣйшая Графиня, разговоръ Сократа о красотѣ, наполненный весьма разумными разсужденіями и тою чрезвычайною проницательностію, которую приписываютъ сему, безсмертное имя заслужившему мужу. —

И такъ примите, Сіятельнѣйшая Графиня, сію усердную жертву моего благодарнаго духа и достодолжнаго высокопочитанія — сіе почтетъ за верхъ своего благополучія

Сіятельнѣйшая Графиня,

Милостивая Государыня,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій и покорнѣйшій слуга

Николай Горчаковъ.

РАЗГОВОРЪ
СОКРАТА съ ТИМОКЛЕЕЮ.

Тимоклеинъ отецъ былъ близкой родственникъ и искренній другъ Сократовъ, а потому Сократъ и могъ всегда имѣть случай видѣть сію дѣвицу въ уборной ея комнатѣ, что самое постороннему по Греческимъ обыкновеніямъ было бы не позволительно.

Сократъ въ самомъ дѣлѣ засталъ сію дѣвицу однажды, какъ видно изъ исторіи, передъ туалетомъ, когда невольница, прислуживающая ей, лишь только убрала ея голову на случай празднованія, при которомъ надлежало ей съ прочими молодыми дѣвушками публично плясать. Локоны ея прекраснѣйшимъ образомъ были распущены; завиты разными фигурами на подобіе

улитокъ и розъ и искуснымъ образомъ переплетены земчугомъ и разными цвѣтами.

Извѣстно всякому, что вкусъ Грековъ въ женскомъ уборѣ былъ столько же тонокъ, какъ и во всѣхъ другихъ вещахъ; столько же разборчивы были въ головномъ уборѣ, да можетъ быть еще и съ точнѣйшею размѣрностію, какъ нынѣшнія Парижанки.

Сократъ смотря нѣсколько времени съ свойственною ему разумною улыбкою на Тимоклею, которая была тогда въ полномъ цвѣтѣ юности и отмѣнной красоты, сказалъ ей: кажется мнѣ, что ты Тимоклея не хочешь ничего упустить такого, что только дѣлаетъ честь празднику Діаны и приноситъ удовольствіе твоимъ согражданамъ; ибо ты такъ прекрасно убрана, что и самыхъ Нимфъ сей богини въ блескѣ превзойти можешь.

Ты очень къ стати пришелъ сюда, отвѣчала Тимоклея. Я хочу у тебя кое о чемъ спросить, Сократъ,

и надѣюсь, что ты всеконечно дашь справедливой отвѣтъ; ибо я знаю, что ты никогда еще кромѣ истинны ничего не говорилъ. Зеркалу сему я не повѣрю, а невольницѣ и того меньше. Скажи мнѣ пожалуй: пригожа ли я, или нѣтъ? нравлюсь ли я тебѣ? Вить ты знаешь при какомъ случаѣ мнѣ должно себя показать.

Естьли я справедливо тебя понялъ, то всякому, кто только имѣетъ глаза, легко можно отвѣчать на твой вопросъ: цвѣтъ твоего лица весьма живъ, въ глазахъ твоихъ видѣнъ тихой улыбающійся небесной лазурь; щеки твои по крайней мѣрѣ столько же прекрасны, какъ той дѣвицы, которую *Анакреонтъ* (*) описалъ своему живописцу; а убрана ты такъ прекрасно, какъ Персіянка. Не довольно ли сего? ----

При семъ описаніи Тимоклея нѣсколько покраснѣла и отвѣчала съ та-

(*) Анакреонтъ былъ древній Греческій стихотворецъ, писавшій нарѣчіемъ Іоническимъ о любви.

такимъ видомъ, которой показывалъ нѣкоторое замѣшательство: батюшка мой часто говаривалъ, что ты льстить не можешь, и такъ я вѣрю Сократу даже и въ томъ, когда говоритъ онъ мнѣ, что я пригожа; мнѣ же и въ самомъ дѣлѣ это нужно будетъ, потому что подруги мои такъ прекрасны, какъ Граціи; такъ чтобы мнѣ не обезобразить такого милаго хороводу. ----

Объ этомъ-то ты не заботься, сказалъ Сократъ; ты такъ прекрасна, какой только можно быть на первомъ взглядѣ. Но позволь же тѣперь мнѣ въ награжденіе за то удовольствіе, которое я тебѣ сдѣлалъ симъ увѣреніемъ предложить не большой вопросъ.

ТИМОК. Съ великимъ удовольствіемъ.

СОКР. Для чего сія роза приколона у тебя на переди? Конечно ты сей улыбающейся богинѣ дала обѣщаніе, что желаешь при такомъ торжественномъ случаѣ цвѣту ея ока-

оказать отмѣнную предъ прочими честь?

ТИМОК. Натурально, что оной цвѣтъ принадлежитъ къ прочему головному убору; какiя у тебя странныя мысли, Сократъ!

СОКР. Слѣдовательно эта роза приколата здѣсь для тово, чтобъ придать тебѣ большую красу?

Конечно для тово, отвѣчала дѣвица съ усмѣшкою.

СОКР. Какъ ты думаешь, естьли бы павлину, которой положимъ пусть будетъ таковъ, какимъ учинила его природа, показалось, что онъ не довольно красивъ и захотѣлъ бы придать себѣ большую красу чужими перьями: то перья сiи заимствовалъ бы онъ отъ красивѣйшей ли птицы, или взялъ бы оныя у воробья, или у вороны?

ТИМОК. Безъ сомнѣнiя взялъ бы онъ ихъ у красивѣйшей птицы.

СОКР. Слѣдовательно чрезъ это самое признался бы онъ, что та птица, коея перьями онъ украсился, красивѣе его.

ТИ-

ТИМОК. По видимому такЪ.

СОКР. СлЂдовательно и ты щитаешь, что роза красивЂе тебя, понеже ты думаешь, что красота твоя безЪ нея была бы не достаточна.

ТИМОК. Ты смЂшалЪ меня, СократЪ; мнЂ надлежало было тебЂ прежде сего сказать, что роза стоитЪ здЂсь для того, что бы зрители сравнивали ее сЪ моимЪ лицемЪ, и мнЂ бы отдавали преимущество.

СОКР. Ты очень дерзска, дЂвушка. Ты бы не избирала ни одного такого цвЂта, которой бы легко могЪ оспорить у тебя преимущество. ВпрочемЪ я охотно уступлю тебЂ вЪ томЪ, что цвЂтЪ твоего лица для юноши и для насЪ стариковЪ имЂетЪ нЂчто вЪ себЂ пріятнЂйшее, нежели цвЂтЪ розы; ибо ты столько горда не будешь и не станешь требовать, что бы цвЂтЪ лица твоего самЪ по себЂ былЪ красивЂе, нежели цвЂтЪ розы; а иначе ты собрала бы тогда около себя всЂхЪ бабочекЪ и розовыхЪ жуковЪ, а похвала жука для розы столько же маловажна, какЪ для тебя похва-

хвала юноши. Сіе зависитъ часто отъ глазъ и отъ расположенія духа зрителева въ тебѣ. *Цефиза* конечно и десятой части не найдетъ въ тебѣ той красоты, какую находитъ *Керефонъ*; сей взираетъ на тебя съ страстію — то половину съ тріумфомъ, а больше, нежели половину съ робостію. — Но отвѣчай ты мнѣ теперь только на это: думаешь ли ты, что роза такъ прекрасна, каковой только быть можно? Ты можешь здѣсь, хотя вотъ эту, взять для пробы. Я за невозможное почитаю, что бы *Зевксесъ* (*) со всѣмъ своимъ искуствомъ могъ изобразить ее такъ живо, какова она есть. Какъ она полна, какъ свѣжа, какъ блестяща! какая красивая фигура листьевъ! Конечно она есть одна изъ тѣхъ прекраснѣйшихъ твореній, которое создалъ Богъ можетъ быть по какому нибудь небесному образцу, и даровалъ

(*) Зевксесъ былъ славный въ древности живописецъ, пріобрѣтшій кистію великія богатства.

валЪ оное нашей землѢ. ---- Положимъ, что есть гдѢ нибудь цвѢтъ красивѢе розы; но естьли бы онъ былъ изпорченъ, или въ самое то время, когда разпускается, завялъ бы отъ нея, или съѢденъ бы былъ червями: то могла ли бы ты сказать, что сей цвѢтъ въ такомъ поврежденномъ состоянии столько же хорошъ, какъ роза сія въ цвѢтущемъ своемъ великолѢпіи?

ТИМОК. НѢтъ; тотъ конечно красивѢе, которой прямо таковъ, какимъ ему быть должно. Но что ты чрезъ это сказать хочешь?

СОКР. Я чрезъ это хочу сказать, что Цефиза не столько красива, какъ сей цвѢтъ. Хотя расположеніе тѢла ея такъ стройно, какъ только выдумать можетъ то Алкменъ; ланиты ея суть, какъ розы между лиліями; въ нѢкоторыя минуты уподобляется она совершенно прекрасной статуѢ; но ежели при повѢствованіи какого нибудь похвальнаго дѢянія остается она столько же равнодушна, какъ сія статуя, и

еже-

ежели вмѣсто разумнаго отвѣта только улыбается; ежели наморщиваетъ чело, коль скоро слышитъ похваляему другую дѣвицу; ежели она при какомъ нибудь умномъ человѣкѣ цѣлые полчаса разговариваетъ съ малинькою своею собачкою, или дѣлаетъ множество чудныхъ фигуръ и принужденныхъ тѣлодвиженій, дабы плѣнить нашихъ молодыхъ Сибаритянъ; то въ самомъ дѣлѣ не могу я повѣрить, что бы *Цефиза* была столько хороша, нежели каковою могла бы она быть.

ТИМОК. Ежели *Цефиза* такова; то подлинно очень не похожа она на тотъ портретъ, которой чрезвычайно понравился мнѣ въ одномъ изъ нашихъ стихотворцевъ. Я такъ часто объ немъ вспоминаю, что онъ иногда даже и во снѣ мнѣ снится. Любви достойная *Пазитея* нравится всѣмъ, кои видаютъ ее; но разумной человѣкъ увидя ея долженъ полюбить: „Глаза ея улыбаются подобно свѣтлому вечернему небу, а скромность обитаетъ на непритвор-

ныхъ

ныхъ ея ланитахъ. Когда она говоритъ; то содержаніе словъ ея столько же стройно, какъ и голосъ ея; чувствованія ея чистосердечны, ласковы и невинны, равно какъ и взоры. Въ тѣлодвиженіяхъ ея видна благопристойность; одѣяніе ея просто, но порядочно; сестру свою любитъ она такъ нѣжно, какъ будто бы не была она пригожѣе ее, и любимѣйшее ея стараніе есть то, что бы понравиться такой матери, коея наставленіямъ и добродѣтелямъ сообразоваться старается естьли бы Граціи сопровождающія добродѣтель, пожелали принять на себя земной образъ; то приняли бы твой *Пазитея*. При первомъ взглядѣ всякъ почувствуетъ склонность почитать тебя достойною; чѣмъ больше кто тебя знаетъ, тѣмъ больше удостовѣряется, что ты такова,, Описаніе это длинно; но не находишь ли ты, Сократъ, что оно такъ прекрасно, какъ я его чувствую?

СОКР. Ты въ самомъ дѣлѣ почитала сей портретъ съ совершеннымъ

нымЪ чувствованіемЪ. Но знаешь ли ты сію прекрасную Пазитею? вЪ сосѣдствѣ ли она сЪ тобою живетЪ? подруга ли она твоя, или кто она такова?

ТИМОК. АхЪ! я не знаю ни того, ни другаго. Я узнала ее не иначе, какЪ изЪ стихотворца.

СОКР. Этого-то мнѣ и жаль; мнѣ кажется дѣвушка не имѣетЪ ни малѣйшаго права почитать себя пригожею до тѣхЪ порЪ, покамѣстЪ не будетЪ совершенно подобна сей Пазитѣе, гдѣ бы она ни была. Но понеже ты вЪ одинЪ портретЪ ея столько уже влюбилась; то конечно и постараешься ей уподобиться, такЪ что или теперь уже хороша, или вЪ скоромЪ времени таковою сдѣлаешься: какЪ ты о семЪ думаешь, Тимоклея?

ТИМОК. Я думаю, что весьма трудно говорить о самой себѣ, сколько же труднѣе это должно быть для дѣвицы моихЪ лѣтЪ, отЪ которой и ожидать не льзя, что бы знала она сама себя. А естьли нужно,

что бы дала я рѣшительной отвѣтъ: то въ нѣкоторыхъ частяхъ нахожу я себя не несходною съ портретомъ сея Пазитеи (не полагая въ число голубыхъ глазъ). Однако естьли бы я для сей причины захотѣла почесть себя довольно пригожею; то въ нѣдрахъ сихъ попротиворѣчило бы мнѣ что нибудь такое, которое очень часто слышно бываетъ когда зеркало, или невольницы мои захотятъ сдѣлать меня тщеславнѣе.

СОКР. И такъ ты думаешь, что для тебя необходимо нужно сдѣлаться пригожею, ежели ты не хочешь терпѣть того, что бы *такъ же, какъ* Цефизъ быть посрамленной отъ розы, приколатой у тебя на переди.

ТИМОК. Такъ точно.

СОКР. Слѣдовательно для придания такой красоты нужны тебѣ, кромѣ припекательныхъ щипцовъ, земчужныхъ низаньевъ и Арабскихъ мазей, еще другія средства, въ коихъ порокъ конечно скрываться не можетъ.

ТИМОК. О! какое бы ты мнѣ одолженіе сдѣлалъ почтеннѣйшій Сократъ, когда бы научилъ меня, какъ сдѣлаться хорошею; а сію науку конечно лучше тебя никто не знаетъ; ты бы нашелъ во мнѣ ученицу самую прилѣжнѣйшую. Съ самыхъ первыхъ моихъ чувствованій питала я въ себѣ нѣжнѣйшую склонность къ хорошему и благопристойному; а сія склонность съ лѣтами и возросла; только опасаюсь я, что или еще не научили меня, или покрайней мѣрѣ очень малое дали понятіе о томъ, что есть прекраснѣйшее и самое превосходнѣйшее.

СОКР. Едва ли достанетъ намъ времени продолжать свои разговоры; тебѣ скоро должно будетъ явиться предъ храмомъ Діаны.

ТИМОК. Объ этомъ не заботься, Сократъ; еще два часа остается до начатія жертвоприношенія; а послѣ того зайдутъ за мною нѣкоторыя изъ моихъ подругъ. До тѣхъ поръ могу я еще много кое-чего отъ тебя услышать.

СОКР. Но не лучше ли тебѣ употребить сіе краткое время передъ зеркаломъ, нежели съ Сократомъ? Точно ли ты увѣрена, что каждой високъ, каждой локонъ въ надлежащемъ мѣстѣ и въ наилучшемъ положеніи находится? Да хотя бы въ этомъ не было ни малѣйшаго недостатка; однако великое удовольствіе для тебя будетъ осматривать всѣ сіи прелести предъ зеркаломъ и воображать себѣ, что ты обладательница оныхъ. Сіе удовольствіе должно быть чрезвычайно велико, ибо я слышу, что многія дѣвушки въ Афинахъ половину дня проводятъ въ такомъ возхитительномъ разсматриваніи, и что еще не понятнѣе, нѣкоторыя встаютъ на разсвѣтѣ, дабы тѣмъ долѣе наслаждаться симъ удовольствіемъ. Такъ не должно ли быть совѣстно для меня отвлекать тебя отъ толь пріятныхъ разсматриваній самой себя.

Сократъ говорилъ сіе съ ироническою улыбкою, которая была сей доброй дѣвушкѣ нѣсколько прискорбна.

на. Однако она въ минуту сдѣлалась опять весела, и посмотрѣвъ на Сократа такими взорами, въ которыхъ изображалось чистосердечіе словъ ея, говорила:

Хотя признаніе мое можетъ быть и не дѣлаетъ мнѣ чести; однако я не скрываю того, что съ удовольствіемъ смотрюсь въ зеркало. Но повѣрь ты мнѣ, Сократъ, что то удовольствіе, которое я нахожу въ твоей компаніи, есть гораздо благороднѣе, гораздо скромнѣе и важнѣе, нежели то, котораго я никогда не чувствовала безъ того, что бы оно не было смѣшано съ тщеславіемъ, съ желаніемъ блистать и быть обожаемою.

СОКР. Мысли, изъявленныя тобою мнѣ, плѣняютъ меня совершенно, любезная моя Тимоклея. Видъ твой меня не обманулъ; онъ при самомъ началѣ, казалось, изображалъ любви достойную душу; ты и въ самомъ дѣлѣ достойна весьма отличена быть отъ безсмысленныхъ и красноличныхъ дѣвушекъ. Хотя я и вижу тебя на

столь уже хорошемъ пути, что ты и безъ помощи другихъ, по одному только природному хорошему твоему свойству можешь дойти до совершеннаго превосходства; однако я буду радоваться, естьли въ состоянiи буду помочь тебѣ заблаговременно и легчайшимъ способомъ содѣлаться столько прекрасною и доброю, сколько это можно для того, что бы участвовать въ истинномъ благополучiи и быть достойною любви всѣхъ добродѣтельныхъ людей. Мудрости достигнуть не трудно; вся сила единственно въ томъ состоитъ, что бы умѣть вникнуть въ небольшое число истиннѣ и такъ плѣниться ихъ неоцѣненнымъ достоинствомъ и ихъ божественною красотою, что бы имѣть ихъ всегдашними правилами своей жизни. Притомъ зависитъ сiе отъ чувствительнаго и добраго сердца; оно всегда способствуетъ разуму, и какъ много есть тому примѣровъ, что посредствомъ любви съ удивительнымъ проворствомъ достигаютъ до совершен-

ства въ какой нибудь наукѣ, или искуствѣ; то и сомнѣнія нѣтъ, что таковые гораздо больше стремиться будутъ къ мудрости и добродѣтелямъ, коихъ душа преисполнена уже благородныхъ желаній къ красотѣ и превосходству. Надлежало бы думать, что она великой разборъ дѣлаетъ въ томъ, какъ бы изъ глупыхъ масокъ выбрать пріятныя мины и обворожающія прелести; ибо она ищетъ способности смѣяться надъ гнусными личинами, или принятой противной видъ перемѣнять въ пріятной. Естьли кому попадется такая тварь въ такомъ положеніи; то находитъ онъ ее или гнусною, или прекрасною, и слѣдовательно она не есть собственно примѣръ противъ моего положенія, взятаго изъ опыта, что источникъ красоты искать должно въ душѣ.

ТИМОК. Однако ежели бы я желала, что бы ты мысли свои нѣсколько точнѣе разположилъ; ибо хотя душа великое имѣетъ вліяніе на красоту тѣлесную, однако ка-

жется, что красота во многихЪ частяхЪ остается независимою отЪ души: думаю, ты на это не осердишься?

СОКР. Я надѣюсь желанію твоему удовлетворить посредствомЪ слѣдующаго предложенія: какЪ тѣло наше, такЪ и душа отЪ природы такимЪ образомЪ устроены, что не иначе прекрасными быть могутЪ, какЪ когда находятся вЪ естественномЪ состояніи, вЪ какомЪ бываютЪ всѣ твари, естьли только онѣ не повреждены, т. е. ежели онѣ здоровы; но дабы разговорЪ нашЪ достигЪ своей цѣли; то позволь мнѣ спросить тебя, Тимоклея, гдѣ по мнѣнію твоему собственно искать должно источника красоты?

ТИМОК. Я не такЪ довольно понимаю твой вопросЪ, дабы можно на оный отвѣчать.

СОКР. Конечно не понятно для тебя слово красота. Я беру его теперь не иначе, какЪ вЪ общемЪ смыслѣ, вЪ какомЪ онЪ и отЪ каждаго принимается, когда говорятЪ:

пре-

прекрасная особа, прекрасное лице, прекрасный цвѣтъ и прочая: И такъ источникъ красоты сихъ разноцвѣтныхъ утреннихъ облаковъ собственно есть солнце. Теперь спрашиваю я въ такомъ смыслѣ словъ, что такое есть источникъ красоты тѣлесной?

ТИМОК. Я не думала, чтобъ это имѣло такое же свойство съ красотою, какъ и съ тѣнью въ водѣ и съ подлинникомъ оной. Я почитала ее за нѣчто такое, что само для себя существуетъ; однако кажется, что это совсѣмъ инаково находить должно, и я съ охотою желаю то узнать.

СОКР. Истинное свойство вещи вывести не трудно. Ты безъ сомнѣнія знаешь дочь *Каллиноуса*, которая не задолго предъ симъ почиталась въ Афинахъ прекраснѣйшею особою; тѣперь отличается она тѣмъ, что имѣетъ впадшіе глаза, блѣдной цвѣтъ и такія пасмурныя черты лица, что и взглянуть на нее страшно, а притомъ и въ такое время, когда над-

лежало быть ей въ самой цвѣтущей юности. Говорятъ, что (*) *Паразій* не давно взялъ ея за примѣръ, когда хотѣлъ показать зависть въ видимомъ образѣ. Такъ откуда же бы произошла такая необычайная перемѣна?

Однако же я вопросъ свой объясню тебѣ больше чрезъ подобіе: естьли бы ты увидѣла въ колодезѣ образъ Нимфы, или другой какой нибудь прекрасной вещи, то тотчасъ представилось бы тебѣ въ умѣ, что это только тѣнь настоящаго существа, и ты стала бы искать глазами самаго подлинника, отъ котораго происходитъ тѣнь въ колодезѣ. Или когда я при наступленіи дня вижу тонкія облака, носящіяся по горизонту, толь пріятными и отчасу превосходнѣйшими цвѣтами украшенныя, то заключаю изъ того о возхожденіи солнца, отъ котораго проистекаютъ сіи цвѣты.

Съ

(*) Паразій былъ современникъ Зевксовъ и славнѣйшій живописецъ въ Ефесѣ.

Съ совершеннымъ здоровьемъ тѣла необходимо соединена и красота онаго; тѣ же самыя свойства потребны и вразсужденіи душевнаго здоровья, которое состоитъ въ добродѣтели. Всякой недостатокъ тѣлесной красоты произходитъ отъ какого нибудь поврежденія, которое случается въ нашей чрезвычайно тонкой и удобно въ разстройку приводимой машинѣ. Однако должно примѣчать, что между здоровьемъ души и тѣла нѣтъ столь тѣснаго отношенія, чтобы въ той же степени страдала и душа, въ какой бываетъ не здорово тѣло. Вліяніе души чрезвычайно примѣтно бываетъ, а особливо тогда, когда она, такъ какъ этому и по праву быть надлежитъ, есть господствующая часть въ человѣкѣ. Подъ тѣмъ, что называютъ пріятностями, или Граціями, разумѣется не иное что, какъ сіе не большее вліяніе, которое имѣетъ въ тѣлѣ живость его, красоту и хорошее расположеніе духа; и когда говорятъ обстоятельно, то отличаютъ

ютЪ красоту и пріятность, изЪ которыхЪ послѣдняя, по той же самой причинѣ, что не посредственно произтекаетЪ отЪ души, есть гораздо благороднѣе первой.

ТИМОК. Конечно она благороднѣе; она производитЪ гораздо скорѣйшее и большее дѣйствіе на наше сердце, нежели одна красота. Особа не бывЪ тѣмЪ, что вотще называютЪ прекраснымЪ, можетЪ быть весьма пріятна, а потому самому можетЪ быть гораздо любезнѣе, гораздо способнѣе для компаніи, нежели какая нибудь красавица. Кажется я гдѣ-то читала, что премногія красавицы бываютЪ нетерпимы, и что напротивЪ того многія особы не будучи красивы имѣютЪ извѣстную нѣкую безЪименную пріятность, которая привлекаетЪ кЪ себѣ сердца другихЪ. Для тебя, СократЪ, сія пріятность не есть что нибудь неизвѣстное; ты ищешь основанія ея вЪ душѣ, и можешь всегда показать причины тому, ежели кто такимЪ образомЪ привлекаетЪ кЪ себѣ его сердце.

Ска-

Скажи мнѣ теперь, Сократъ, хорошо ли я понимаю твои мысли, естьли такимъ образомъ ихъ себѣ представляю:

Для совершенной красоты человѣка потребно, что какъ душа самая благороднѣйшая часть, такъ и тѣло, каждое изъ нихъ находилось совершенно въ своемъ природномъ состоянiи здоровья. Душа должна быть совершенно добродѣтельна, а тѣло всегда живо и цвѣтуще; и то и другое должно быть въ самой лучшей стройности. Однако сколько извѣстно, нѣтъ нигдѣ такой совершенной красоты въ крутѣ стихотворцевъ; напротивъ того вразсужденiи красоты раздѣляются люди на разные классы; въ нѣкоторыхъ находятъ одну только тѣлесную красоту безъ прiятности и тогда скрывается порокъ въ душѣ; въ другихъ находятъ добродѣтель безъ наружной красоты, которая однако довольно награждается прiятною скромностiю, свойственною людямъ хорошей природы;

Еще

Еще меньше такихъ, въ коихъ объ сіи красоты находятся соединены; есть однако какъ въ семъ, такъ и въ другихъ классахъ безчисленныя степени. Жалко бы было, естьли бы надлежало составить еще четвертой классъ для тѣхъ, которыя ни наружной, ни внутренней красоты не имѣютъ; ибо думаю, что такія твари принадлежали бы больше къ обезьянамъ, нежели къ людямъ, понеже совершенно прекрасныя люди не могутъ быть столько многочисленны, какъ Сфинксы; то естьли взять все вышесказанное вмѣстѣ, надобно кажется опредѣлить *красоту* по превосходнѣйшимъ частямъ, такъ что мы ежели хотимъ говорить всегда правду, то должны называть прекрасными тѣхъ только особъ, въ которыхъ находимъ красоту души и соединенныя съ нею пріятности. Напротивъ того такая особа, которая по первому токмо взгляду кажется прекрасною, а въ самомъ дѣлѣ не показываетъ ничего преимущественнѣйшаго въ своемъ характерѣ и нравахъ,

вахъ, по крайней мѣрѣ должна лишиться права на похвалу красоты. У стихотворцевъ есть *Нарциссъ*, которой кажется удобно могъ бы сообщать имя свое всѣмъ тѣмъ молодымъ людямъ, которые нравятся намъ только тѣлесными прелестями, или кои наипаче желаютъ насъ плѣнить, и для того можно бъ было каждую красноличную даму безъ разбору души и слова прекрасно назвать *Нарциссою*. Однако сія добродѣтель не есть такая ограниченная и недостаточная вещь, какъ многіе себѣ воображаютъ; она есть здоровье всей души, постоянная склонность ко всему тому, что хорошо и превосходно, внутренняя доброта, имѣющая всегда сообщать себя, непорочная и изъ прозорливости произтекающая любовь порядка и божескихъ законовъ, отъ наблюденія которыхъ столько зависитъ блаженство существъ, что самъ Творецъ со всѣмъ своимъ всемогуществомъ не могъ бы сдѣлать человѣка щастливымъ, естьли бы не пожелалъ онъ

себя

себя подвергнуть симъ законамъ. Такая токмо добродѣтель заслуживаетъ сіе высокое наименованіе, и о ней-то должны соразмѣряемы быть всѣ наши старанія; единыя токмо частицы сей добродѣтели, входящія въ порочную жизнь, есть какъ бы блестящіе, отрывки на обвѣтшаломъ нищаго рубищѣ.

Объ испорченномъ и безобразномъ тѣлѣ не скажутъ, что оно прекрасно, хотя бы одна малая часть и имѣла какія нибудь соразмѣрности и правильной видъ. Но когда мы добродѣтель, такъ какъ она мною описана въ полной ея красотѣ узнаемъ въ комъ нибудь, тогда должны признаться, что человѣческая природа расположена къ великому превосходству. Сколь прекрасенъ и сколь подобенъ сферамъ сей свѣтъ, наполненной такими людьми! понеже красота человѣческой души такое имѣетъ превосходство надъ красотою цвѣтущаго и пріятными красками испещреннаго тѣла, какое имѣютъ Ангелы

гелы надъ самыми даже блестящими сферами, коихъ движеніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ мудрецовъ, состоитъ въ ихъ власти. Творецъ природы хотя украсилъ свѣтъ сей, въ которомъ онъ насъ надѣлилъ безчисленными родами прекрасныхъ вещей, и мудрецъ имѣетъ право удивляться тому, когда разсматриваетъ сей возвышенной сводъ жаркаго *Сапфира*, всеокружающій тонкій воздухъ, наполненный свѣтлыми лучами и пріятными видами вещей, сію зеленѣющуюся землю, испещренную самопрозябающими цвѣтами; сіи великолѣпные и возхитительные виды, столь многоразличныя, столь искусныя и столь прекрасныя изображенія звѣрей, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ и растѣній, когда онъ изъ всего онаго обозритъ не большой Горизонтъ; то долженъ имѣть право притти въ изумленіе отъ толь многихъ красотъ и онъ изъ всего, что тамъ видитъ и чувствуетъ не иначе заключить можетъ, какъ что божеская сила, произведшая все сіе, долженствовала имѣть намѣреніе со-

творитъ нѣчто весьма прекрасное и удивленія достойное. Но когда мы разсматриваемъ человѣка вовсемъ его расположеній и по всѣмъ отношеніямъ; то находимъ, что Творецъ міра въ немъ одномъ представилъ славное доказательство божественнаго своего разума и высокихъ своихъ понятій, нежели во всей прочей видимой природѣ. Ему одному удѣлилъ онъ такую изобильную часть всепотрясающщаго духа, что онъ въ нѣкоторомъ сходствѣ съ самымъ божествомъ можетъ мыслить и всю окружность цѣлаго міра, исполненную красоты и предмѣтовъ, созерцать и разсматривать можетъ. Его единаго создалъ онъ для добродѣтели, т. е. для величайшаго достоинства и для того высочайшаго благополучія, въ коемъ участвуетъ такое твореніе. Въ сей-то добродѣтели состоитъ красота высшей степени, дѣлающая человѣка верховнѣйшимъ твореніемъ, будто бы венцемъ всѣхъ божескихъ дѣлъ; всѣ силы человѣческія и всю дѣйствія сихъ силъ, всѣ познанія,

ко-

коихъ ищетъ разумъ, всѣ труды всего человѣка должны посвящены быть добродѣтели. Она должна управлять всемъ человѣкомъ и плѣнять его, а потому во всѣхъ обстоятельствахъ должна составлять его благополучіе; ибо чрезъ добродѣтель въ самыхъ не щастливѣйшихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ можно быть благополучну; то сего не имѣютъ права отвергать и самые порочные.

На сію довольно длинную рѣчь, которую Тимоклея говорила съ совершенно отмѣнною пріятностію отвѣчалъ, Сократъ въ нѣкоторомъ родѣ возхищенія: о Тимоклея, естьли какая Афинянка способна содѣлаться истинно прекрасною; то это ты. Я слушалъ тебя съ превеликимъ удовольствіемъ. Ты мысли мои не только хорошо поняла, но еще лучше ихъ расположила и объяснила; онѣ въ устахъ твоихъ получили новую пріятность. Ты представляешь совершенной образъ Пазитеи. Природа одарила тебя прекраснымъ расположеніемъ къ любви достойной Гармоніи между внѣшнимъ человѣкомъ и во

внутренности обитающимЪ духомЪ, которой по естеству своему будучи гораздо превосходнѣе онаго, есть простЪ, не измѣняемЪ и подобенЪ божеству, и кЪ истинной красотѣ онЪ гораздо способнѣе, нежели тѣло, составленное изЪ многихЪ противныхЪ между собою частей, премѣняемое и подвергаемое смерти и котораго о скоропреходящей красотѣ нѣкоторые только думаютЪ и притомЪ не долго плѣняются ея преимуществомЪ, но вскорѣ потомЪ совершенно забываютЪ.

Конечно, Тимоклея, тогда бы только земля была такова, каковою ей быть должно, когда бы человѣкЪ, превосходнѣйшій изЪ ея обитателей будучи совершенно увѣренЪ о началѣ и достоинствѣ своея души, искалЪ благополучія своего вЪ добродѣтели.

Когда бы владычествовала между нами невинность, истинна и добродѣтель; конечно бы чрезЪ сію перемѣну вся натура пріобрѣла прекраснѣйшій видЪ, и я могу надѣяться, что придетЪ когда нибудь такое вре-

время, которое произведетъ столь щастливую перемѣну.

ТИМОК. Какъ сильно тронулъ ты меня сими представленіями, которыя, кажется, сама истинна вложила тебѣ въ уста. Сколь великъ, сколь важенъ и сколь любезенъ такой человѣкъ по твоему мнѣнію, и мнѣ кажется я чувствую, что собственное мое сердце отдаетъ справедливость твоимъ словамъ; оно чувствуетъ, что можно быть такимъ, какимъ желаешь ты быть человѣку; оно преисполненно желанія достигнуть сей высокой духовной красоты, которая произтекаетъ изъ постоянной доброты души со многими другими хорошими дѣйствіями. Не оставляй меня, Сократъ, въ семъ пріятномъ упражненіи, которое должно быть впередъ главнымъ моимъ дѣломъ, и вѣрь, что человѣколюбивое твое стараніе обращено на такое сердце, которое умѣетъ его цѣнить. Но однакожь скажи мнѣ: ошибаюсь ли я, естьли думаю, что главнѣйшая причина превеликаго удаленія людей отъ

того, чѣмъ быть должны, есть та, что они почитаютъ себя гораздо слабѣйшими и низкими, что они мало на себя надѣються и не почитаютъ ни природы своей за нѣчто столь благородное, ни себя за способныхъ къ достиженю такого совершенства? Сколько бы великодушенъ человѣкъ ни былъ, однако кажется мнѣ, что онъ такъ, гдѣ больше всего ето нужно, весьма мало на себя надѣется.

СОКР. Я совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ. Человѣкъ столько подлъ, что почитаетъ себя лучше братомъ животныхъ, нежели свойственникомъ Творца вселенной, хотя по превосходнѣйшей своей части, то есть душѣ, онъ ему и подобенъ. Но откуда рождается такое подлое мнѣніе и такое недѣятельное малодушіе? мнѣ кажется, что главнѣйшая причина сему есть великой недостатокъ, которой имѣемъ мы истинно добродѣтельныхъ, и что касается до твоего пола въ Пазитеяхъ и въ такихъ женщинахъ, како-

ковою описываетъ одну изъ нихъ Гезіодъ. Люди такъ устроены, что сильнѣе всего трогаются примѣрами; они видятъ тогда въ дѣятельности купно и возможность, и побужденіемъ находящейся предъ ними добродѣтели, такъ какъ бы Симпатіями влекомы бываютъ къ подражанію. Добродѣтель сама по себѣ есть для насъ слишкомъ духовна и не постижима; она должна принять на себя видимой образъ, дабы воспламенить оледенѣлыя наши сердца, и дѣйствительно ежели оная плѣняетъ сердце какой нибудь особы, одаренной наружною красотою, тогда можно сказать, что она содѣлалась видимою. И кто же не долженъ ее полюбить? Ты видишь, Тимоклея, сколь велики должности такой особы, къ красотѣ коея и добротѣ, о которой мы говорили, не достаетъ только дальнѣйшаго образованія и старанія о самой себѣ. Такая особа можетъ содѣлаться благодѣтельницею всего человѣческаго рода; ибо она обхожденіемъ и примѣромъ своимъ сильнѣе и убѣдительнѣе настa-

вить можетъ, нежели тысяча Софистовъ.

ТИМОК. Однако какъ сіи образцы столь рѣдки, то и содѣлаться таковымъ должно быть нѣчто весьма рѣдкое. Естьли отъ такого слабаго творенія, каковъ есть человѣкъ во всемъ своемъ расположеніи, требуютъ совершенства; то въ самомъ дѣлѣ требуютъ много.

СОКР. Но не такого требуютъ совершенства, которое бы вовсе никакихъ недостатковъ не имѣло. Прекрасное лице можетъ имѣть нѣкоторыя пятна и остаться однако прекраснымъ; слѣдовательно и душа, будучи совершенно основана на благородныхъ и добрыхъ склонностяхъ, ищетъ всегда премудрости и добродѣтели, какъ высочайшаго блага и не смотря на нѣкоторыя погрѣшности, можетъ скоро содѣлаться образцемъ; да и Творецъ міра, соединивъ сіе пріятное и всегдашнее удовольствіе, съ распространеніемъ

нашего познанія, сЪ хорошимЪ употребленіемЪ душевныхЪ нашихЪ силЪ, и со всякимЪ добродѣтельнымЪ чувствованіемЪ или дѣяніемЪ для того, дабы мы чрезЪ то больше возбуждаемы были искать толикаго совершенства, и слѣдовательно отчасу ближе были бы кЪ оному приводимы. Я точно ни чего не утверждаю о СофистахЪ, кои добродѣтель намЪ описываютЪ всегда вЪ страшной величинѣ, такЪ что мы вЪ безполезное токмо приходимЪ изумленіе, и со всѣмЪ тѣмЪ принуждены бываемЪ остаться вовсе безнадежными, дабы содѣлаться равными сему весьма прекрасному образцу. МногимЪ людямЪ послужило сіе вЪ оправданіе; они радуются, что добродѣтель не возможна ко исполненію и тѣмЪ спокойнѣе остаются всегда такими, каковы они есть. НапротивЪ того и это такЪ же вредно, когда по причинѣ ложнаго стыда и безвременной робости, или по причинѣ юности остаются бездѣйствительны и не ищутЪ всей своей чести, такЪ какЪ

и всего своего благополучія вЪ томЪ, что, какЪ теперь мы говорили, составляетЪ истинную красоту и совершенство человѢка.

КонецЪ Разговору.

КРАТ-

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ
ЖИЗНИ
АФИНСКАГО ФИЛОСОФА
СОКРАТА.

ЖИЗНЬ СОКРАТОВА.

Сократъ Афинянинъ былъ въ свое время мудрѣйшій и добродѣтельнѣйшій мужъ, и по рѣдкимъ своимъ достоинствамъ, а особливо добродѣтелямъ пріобрѣлъ отъ потомства имя великаго и безсмертнаго.

Онъ родился въ славнѣйшемъ Греческомъ городѣ Афинахъ, до рождества Христова за 467 лѣтъ, отъ рѣщика Софроника, которой нѣкогда вопросивъ оракула о сынѣ своемъ, получилъ слѣдующій отвѣтъ: чтобы онъ далъ волю сыну своему такъ жить, какъ ему придетъ на мысль и не отвращалъ бы его отъ того, ниже пекся объ немъ излишне, ибо имѣетъ въ себѣ наставника въ жизни, превозходящаго всѣхъ прочихъ учителей. Отсюда не только самъ

самъ о себѣ Сократъ, но и многіе другіе свидѣтельствуютъ, что онъ имѣлъ даръ (*) узнавать, что ему и друзьямъ его случиться можетъ.

Едва ли былъ кто подобенъ ему въ великодушіи; ибо онъ какъ похвалы друзей, такъ и обиды непріятелей равнодушно сносилъ. Въ разсужденіи заключенія различія добра отъ зла названъ онъ источникомъ и главою всѣхъ Философовъ.

Онъ прилагалъ чрезвычайное стараніе къ наукамъ, въ коихъ, оставя упражненіе въ ремеслѣ отца своего, то есть въ рѣзномъ художествѣ, на тридцать первомъ году началъ уже упражняться и превзошелъ всѣхъ древнихъ Философовъ въ понятіи о Богѣ и во нравоученіи. Имѣлъ двѣ жены; одну Миртону, дочь Аристидову, а другую Ксантиппу.

(*) Сіе доказалъ Сократъ предсказаніемъ пораженія Афинянъ въ Сициліи. Также онъ отозвалъ Тимарка отъ пиршества, куда онъ дважды итти порывался.

Странствованія для себя почелъ Сократъ не нужными; а имѣвъ мѣсто въ Афинскомъ правленіи, не однократно бывалъ онъ на войнѣ; занимался однакожъ чрезъ всю свою жизнь болѣе наставленіемъ своихъ согражданъ, бѣсѣдуя съ ними дружески и предлагая слушателямъ своимъ вопросы до тѣхъ поръ, пока они отвѣтами своими желанію его удовлетворяли. Онъ вообще всѣхъ наставлялъ и училъ познавать Бога изъ его твореній, и говорилъ: что истинное благополучіе состоитъ въ повиновеніи Божіимъ повѣленіямъ; доказывалъ, что не дозволеннаго и несправедливаго не можно почитать полезнымъ; что дружество безъ добродѣтели не есть дружество; что слову честнаго человѣка болѣе можно вѣрить, нежели клятвѣ другаго; что тотъ, кто мѣнѣе дѣлаетъ, нежели сколько въ состояніи дѣлать, заслуживаетъ имя бездѣльника. (*) Разговоръ

(*) Когда у Сократа спросилъ нѣкто: намѣренъ ли онъ какое со-

говоръ Сократа съ сыномъ своимъ о неблагодарности достоинъ чтобъ юноши читали оной внимательно. Онъ первой людей отъ зрительной жизни къ дѣйствительной и непорочности нравовъ привелъ, и для того разсудилъ больше въ нравоучительныхъ, нежели въ Физическихъ вещахъ упражняться. Въ добродѣтели самъ собою подавалъ примѣръ; во всю жизнь казался быть духомъ спокоенъ, а сіи добродѣтели суть не ложнымъ знакомъ истиннаго мудреца. Мудростію своею, по примѣру другихъ, не гордился; но обыкновенно говаривалъ, что онъ другаго не знаетъ, кромѣ одного того, что ничего не знаетъ. Способъ ученія его состоитъ въ разговорахъ, изъ коихъ многіе для насъ сохранилъ Ксенофонъ. Не взирая на всѣ истинно преполезныя наставле-

чиненіе издать? Отвѣчалъ: я желалъ бы лучше, чтобы мысли мои на сердцахъ человѣческихъ, нежели на звѣриной кожѣ были написаны.

вленія, которыя Сократъ давалъ Афинянамъ, обнесенъ онъ былъ своими непріятелями, а болѣе Милитомъ въ судѣ, яко бы отвергалъ боговъ своего отечества и вводилъ вѣру соблазнительную. Когда же одинъ изъ друзей говорилъ въ защищеніе его рѣчь съ великимъ искуствомъ и краснорѣчіемъ; то Сократъ сказалъ ему: „ Она весьма прекрасна, но для меня столь же мало прилична, какъ богатая одежда. Я не могу ни чего лучшаго представить въ защищеніе свое, какъ что во всю жизнь мою неправды ни кому не дѣлалъ. „ Сократъ, увѣряя судей, что и впредь стараться будетъ учить и просвѣщать своихъ сограждан, столько тѣмъ ихъ озлобилъ, что они опредѣлили, дабы онъ самъ, по обыкновенію Афинскому, назначилъ себѣ наказаніе; а какъ онъ на сіе имъ отвѣтствовалъ, что за просвѣщеніе своего отечества заслуживаетъ паче награжденіе; то они столько на него озлобились, что приговорили его къ смерти. Заключенной въ темницу Сократъ на семи-

де-

десятомъ году уже возраста, испивъ равнодушно смертоносную чашу разговаривалъ еще передъ кончиною о безсмертіи души съ своими друзьями и учениками Платономъ, Критономъ и другими; и такимъ образомъ съ геройскою твердостію окончалъ жизнь свою. По прошествіи нѣкотораго времени разкаялись Афиняне, что безчеловѣчно погубили мужа столь мудраго и добродѣтельнаго, и для того Милита, оклеветавшаго его на смерть, самого къ смерти осудили, и учиня общее о Сократѣ сѣтованіе, статую изъ мѣди въ честь ему поставили. Сократъ и по смерти оказалъ отечеству своему великую услугу тѣмъ, что оставилъ много такихъ учениковъ, кои не только имя учителя, но и отечество свое прославили.

Въ Философіи зрительной училъ:

„Философія есть истинной путь къ благополучію.

„Три суть начала всѣхъ вещей: Богъ, идея и матерія.

Богъ

„Богъ есть существо, само въ себѣ совершенное, подающее всей твари бытiе и объ оной промышляющее.

„Богъ о всѣхъ вещахъ а особливо о человѣкѣ печется.

„Душа есть безсмертная и состоитъ прежде тѣла. „

Въ Философiи дѣйствительной училъ:

„Что самаго себя не знать и знать хотѣть, чего знать неможно, есть ближайшiй степень къ безумiю.

„Добро дѣлать есть наилучшiй степень жизни.

„Кто справедливость любитъ, тотъ блаженъ.

„Не справедливо тотъ сдѣлалъ кто первой справедливость отъ полезнаго отдѣлилъ; понеже сiи вещи по натурѣ весьма близки между собою.

„Благородство стоитъ въ хорошемъ порядкѣ души и тѣла.

„Зависть происходитъ во многихъ не ради щастiя непрiятелей, но ради благополучiя прiятелей.

„Лучше честно умереть, нежели худо жить.

„Ни въ чемъ нужды не имѣть есть богу свойственно, а весьма не многихъ вещей требовать, есть быть Богу ближайшимъ.

„И такъ весьма уже тотъ богатъ, кто очень малымъ довольствуется.

„Злые живутъ для того, что бы ѣсть, адобрые ѣдятъ, что бы только жить.

„Зайцы собаками, а дураки похвалами уловляются.

„Человѣка не иначе умягчить можно, какъ благодѣяніями, учтивствомъ или пріятнымъ услажденіемъ.

„Добраго начальника должность есть сдѣлать богатѣйшимъ общество. Должно подрожать Богу, которой никогда не престаетъ добра дѣлать, хотя его благодѣянія скоро приходятъ въ забвеніе:

„Ожидающій съ нетерпѣливостію смерти своего отца есть его убійца.

„Лучше желать благополучной смерти, нежели долго временной жизни.

Ко-

,,Когда сила повелѣваетъ, тогда разумъ долженъ повиноваться.

,,Что дѣлается безъ примѣчанія; то удается только по случаю.

,,Душевныя болѣзни тяжелѣе изцѣлить нижели тѣлесныя.

,,Должно притворяться бѣднымъ, чтобъ истинныхъ друзей испытать.

,,Кто Бога любитъ, тотъ конечно ни чемъ не скучаетъ.

,,Душа, вѣдающая о самой себѣ, ни чего не желаетъ, какъ только въ томъ полагать веселіе, кто ея создалъ. ,,

Сократъ имѣлъ у себя премногихъ учениковъ, изъ коихъ знатнѣйшій былъ.

1) ПЛАТОНЪ Афинскій, произшедшій изъ благородной фамиліи, которая имѣла начало свое отъ Кодра, Государя Афинскаго, родился за 430 лѣтъ до Рождества Христова, во времена Іуліанскія. Сперва названъ былъ Аристокломъ, именемъ дѣда своего, а потомъ отъ Сократа получилъ имя Платона, или для того,

что широкія имѣлъ рамена и лицо, или для пространнаго и изобильнаго рода рѣчи. Плиній свидѣтельствуетъ, что пчелы на устахъ его, еще въ ребячествѣ въ колыбели спящаго, медъ полагали; изъ чего толкователи чудесно и означили имѣющую быть особливую краснорѣчія его пріятность. Съ того времени, какъ онъ былъ двадцати уже лѣтъ, началъ учиться у Сократа, у котораго находился восемь лѣтъ. Онъ учителя своего въ публичномъ мѣстѣ, противу обвиненій Милитовыхъ, защитить старался; а когда Сократъ былъ осужденъ; то съ прочими Сократовыми друзьями въ Мегеру отправился; оттуда для ученія пошелъ странствовать и первѣе прибылъ въ Италію, чтобы полюбопытствовать о Пифагоровомъ ученіи; а оттуда пошелъ въ Египетъ, гдѣ, по повѣствованію нѣкоторыхъ историковъ, читалъ Моисѣевы книги. Онъ намѣревался странствовать въ Индію, чтобы слышать тамошнихъ волхвовъ; но бывшія тогда Азіатскія войны на-

мѣренія его пресѣкли. Почему возвратясь въ Афины, въ Академіи въ загородной гимназіи, деревами насажденной съ великою похвалою и въ великомъ множествѣ собиравшихся слушателей училъ. При входѣ сего училища сдѣлана была надпись слѣдующаго содержанія: „ Неучившійся Геометріи, да не дерзаетъ сюда внити.„ Собравши другихъ Философовъ правила, и къ онымъ присовокупя еще нѣкоторыя и отъ себя изобрѣтенныя, учреждать началъ особливую секту, которая по мѣсту, гдѣ учреждена была, названа Академическою; понеже сначала Философія состояла изъ одной почти Физики; то Сократъ прибавилъ къ ней еще Этику, а Платонъ, присовокупя Діалектику, въ совершенство ее привелъ. Онъ при рѣчи своей употреблялъ иногда весьма великую пріятность, такъ что нѣкоторыя говорили: естьли бы и самъ Юпитеръ по Аттически говорить захотѣлъ, то бы онъ не инако говорилъ. Былъ учтивъ, скроменъ, кротокъ и воз-

воздержен, соблюдая холостую жизнь непорочно; по одному разу въ день ѣлъ, а буде два раза кушать случалось, то дѣлалъ сїе весьма умѣренно. Между Апофегмами его достойны примѣчанія: 1) Тогда, говорилъ онъ, совершенно благополучнымъ будетъ общество, когда или Философы оными будутъ править, или правящіе философствовать станутъ. 2) Общество по тремъ обстоятельствамъ благополучно бываетъ, то есть, естьли въ немъ законы хороши, естьли оные наблюдаются, естьли граждане, кромѣ законовъ по одной привычкѣ, честно живутъ. 3) различіе между ученымъ и неученымъ есть такое, какое между лѣкаремъ и больнымъ. Скончался за 348 лѣтъ до Р. Хр. въ самой день рожденія своего, имѣя отъ роду 81 годъ, и погребенъ въ Академіи. За симъ слѣдуютъ.

2) КСЕНОФОНТЪ Афинскій. Сей одинъ былъ между Философами, которой не меньше дѣлами, какъ и словами Философіи училъ; добродѣ-

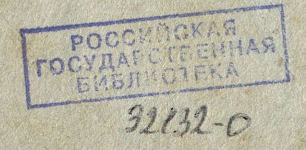
дѣтель въ рѣчи и въ сочиненіяхъ описалъ; къ производству дѣлъ несравненной и искуствомъ воинскимъ между знатными Полководцами мѣсто заслужилъ. Онъ довершилъ исторію Фукидидову о Пелопонеской войнѣ. Сіе превосходное сочиненіе Демосфенъ, наиславнѣйшій ораторъ, переписывалъ восемь разъ своеручно; а Карлъ V приказалъ перевести на Французской языкъ и носилъ всегда при себѣ въ походахъ. Ксенофонтъ умеръ въ Корянфѣ, имѣя отъ роду болѣе 90 лѣтъ.

3.) ЕСХИНЪ Афинской же; о семъ Сократъ обыкновенно говаривалъ, что одинъ Есхинъ сынъ портнаго, знаетъ какъ насъ почитать. Сей философъ, по причинѣ своего убожества, отправился въ Сицилію къ Діонисію, отъ котораго за поднесеніе нѣкоторыхъ разговоровъ награжденіе получилъ; потомъ возвратясь въ Афины приватно съ награжденія училъ; напослѣдокъ упражнялся въ защищеніи на судѣ дѣлъ народныхъ.

4) КЕВИТЪ Ѳивейскій, которой сочинилъ разговоръ и назвалъ оной картиною, содержащую Философическое изъясненіе басни.

Сіи и многіе другіе Сократовы ученики были большею частію разныхъ Сектъ, которые и разные положенія имѣли.

КОНЕЦЪ.

…ной
сочин… …ной
карп… …фи-
ческо…

…овы
учен… …раз-
ныхъ… …по-
лож…

